

ЭТАПЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОЙ РОССИИ

О.Д. Цепилова

(tsepilova@mail.ru)

Социологический институт ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Цепилова О.Д. Этапы институционализации экологического протестного движения в постперестроечной России // Власть и элиты. 2023. Т 10, № 2. С. 211–233.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.9>
EDN BCGYBR

Аннотация. В рамках мобилизационного и институционального подходов проводится анализ развития протестного экологического движения постперестроечной России. Специальное внимание уделяется роли государственных и политических структур в побуждении и сдерживании экологической протестной активности. Выделяются шесть этапов развития движения, имеющих различия в использовании институциональных практик. Оценивается укорененность и эффективность использования этих практик для достижения поставленных целей. В ходе исследования выявлено, что в России процесс институционализации экологического протестного движения был фрагментарным, не имеющим устойчивых характеристик. Между тем вовлеченность в различные институциональные практики на всех без исключения этапах развития движения с начала перестройки до настоящего времени способствовала формированию экологического протестного сообщества в единое целое, укрепила консолидацию его участников и в конечном итоге помогла ядру зеленого движения выжить. Сегодня протестное экологическое движение, пытаясь сохранить свою идентичность и базовые ценности, находится в поиске новых форм существования, эффективных тактик и долговременной стратегии развития.

Ключевые слова: экологическое протестное движение, мобилизация, институционализация, неправительственные общественные организации (НПО), политическая повестка.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретической основой исследования является теория мобилизации ресурсов [McCarthy, Zald 1977; Edwards, McCarthy, Mataic 2018; Gamson 2011; Tilly 2005; Zald 2005]. Важно отметить, что исследователи, придерживающиеся этого подхода, считают крайне важным анализ социальных, экономических и политических структур, давая прогнозы вероятного возникновения движения либо анализируя конкретные характеристики его развития. Важным исследовательским срезом в рамках названной теории является анализ институциональных форм развития протестного общественного движения. Принципиальным в данном исследовании автор считает акцент на значительном внимании приверженцев теории к анализу социально-политического и экономического контекста, в котором зарождается и развивается протестное движение, к роли государственных и политических структур в побуждении либо ограничении протестной активности, к формам взаимодействия движения с официальными структурами.

Наиболее важные для настоящего исследования положения теории мобилизации ресурсов были впоследствии развиты в теории структуры политических возможностей [Klandermans, 2017; Offe, 2017; Rucht, 2017]. В частности, в рамках названного теоретического подхода рассматривались характерные черты институционализации общественных движений, когда социальные практики протестного движения в определенных формах становились институциональными. Здесь наиболее существенными представляются организационные формы протестного движения, уровень консолидации, степень профессионализация и коммерциализации движения, включение в институциональную деятельность движения в целом или отдельных его членов, внесение требований протестующих в повестку дня официальной политики, взаимодействие движения либо отдельных его представителей с легальными политическими партиями и иными политическими организациями.

Среди отечественных и зарубежных исследований различных аспектов развития экологического протестного движения в современной России выделим следующие работы: [Давыдова, Усачева 2009; Халий 2010; Доусон, Цепилова 1993; Цепилова 2002; Цепилова, Гольбрайх 2020; Яницкий 2009; Henry 2014].

Основные результаты и выводы, обсуждаемые в статье, получены на основе двух серий углубленных интервью с член-корреспондентом РАН, лидером общественного экологического движения России А.В. Яблоковым (2013, 2016 гг.), двадцати углубленных интервью с лидерами ведущих экологических неправительственных организаций (НПО) России, анализа официальных документов, электронных и сетевых ресурсов (в том числе экологические рассылки green_mov@seu.ru, seu_discuss@seu.ru, enwl@enw.net.ru).

ЭТАПЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Подъем

1986–1991 гг. (инициальная фаза). Отправной точкой развития массового экологического движения в СССР и далее в России (после распада СССР в 1991 г.) становится конкретное общественно-политическое экологически релевантное событие — Чернобыльская катастрофа 26 апреля 1986 г. С одной стороны, после чернобыльской трагедии стало невозможно игнорировать и замалчивать в публичном дискурсе экологические проблемы общества. С другой стороны, официальные власти уже были не в состоянии сдерживать назревшие политические изменения в стране и вынуждены открывать некоторые каналы «выхода» с трудом сдерживаемого недовольства населения. Структура политических возможностей находилась в состоянии постоянного изменения. Демократизация и гласность, заявленные как направления политики обновления социализма, создали условия для возникновения и легализации в 1986 г. ряда организаций общественных движений [Доусон, Цепилова 1993: 117]. «Ряд юридических норм (Положение о любительских объединениях 1986 г.; Закон о выборах 1988 г.; в некотором отношении Закон о забастовках 1989 г.) легитимировал общественные движения и протестные коллективные действия» [Доусон, Цепилова, 1993: 118]. Препятствуя на первых порах перестройки созданию протестных политических объединений, структур и неформальных организаций, власть вынужденно создавала условия для создания НПО в эколого-культурной сфере.

Активную роль в формировании общественных экологических НКО в начале перестройки сыграли известные ученые, писатели, журналисты, деятели культуры. Организационное ядро протестного экологического

движения первых лет перестройки формировалось на базе доперестроечных институций, таких формально зарегистрированных общественных организаций, подконтрольных политической власти, как дружины охраны природы (ДОП), активно создаваемые еще в СССР на базе высших учебных заведений (факультета почвоведения Московского государственного университета, Московского физико-технологического института, Московского областного педагогического института), наиболее известные были в Москве, но работали в масштабах всей страны [Степаницкий 2019]; бригады общественных инспекторов Всероссийского общества охотников и рыболовов; сотрудники и активисты Всероссийского общества охраны природы (ВООП); государственные инспектора рыбоохраны; сотрудники охотоведческих структур; ветераны-чернобыльцы.

В середине 1980-х годов экологическое движение в СССР становится массовым. В начале перестройки эколого-культурные НПО были единственным разрешенным оппозиционным движением. В тот период к экологическим активистам примкнули самые разные оппозиционеры, в первую очередь те, кто выступал за политические реформы в стране. Высоким был и протестный потенциал общества в целом. Масштабы экологического движения тех лет представляются сегодня невероятными. Так, в небольшом промышленном городе Кириши Ленинградской области с населением 55 тысяч человек движение против выпуска белково-витаминных концентратов (БВК) на биохимическом заводе (БХЗ) имело активную и деятельную поддержку большинства горожан. В 1987–1988 гг. в Киришах прошли общегородские митинги, каждый из которых собирал до 25 тыс. жителей. На митингах присутствовали представители протестного экологического движения из многих регионов страны, известные журналисты, деятели культуры. В 1989 г. на основании выводов комиссии, созданной лично М.С. Горбачевым, Верховный Совет СССР принял решение о закрытии и перепрофилировании всех восьми заводов данного профиля к 1 января 1991 г. [Цепилова 2002].

Наиболее ярким примером всероссийского экологического протеста тех лет является волна экологических митингов против строительства канала «Волга — Чограй», прошедших 11–12 февраля 1989 г. в десятках городов Советского Союза. На митинги против строительства Министерством водного хозяйства СССР канала «Волга — Чограй» через Калмыкию и соленые пески вышло в разных городах СССР 350 тысяч человек. Реализация экологически опасного проекта была остановлена.

Идеологический спектр протестного экологического движения первого этапа перестройки имел полную палитру политических предпочтений: экоанархисты («Хранители радуги»), эосоциалисты различных ориентаций, государственники, национал-патриоты (экологическая комиссия общества «Память»).

В этот период известный эколог А.В. Яблоков становится заместителем председателя Комитета по экологии Верховного совета СССР и лидером зарождающегося общественного экологического движения. Он формирует вокруг себя команду единомышленников (опытные ученые-экологи Н.Н. Воронцов, В.Н. Данилов-Данильян, лидер неформального экологического движения С.И. Забелин). Комитет по экологии переживает реформу изнутри. По инициативе Яблокова и его коллег запускается процесс рассекречивания информации по состоянию окружающей среды в СССР. Начинается «инвентаризация» наиболее острых экологических проблем, которые предаются гласности и становятся известны публике. Так, в 1989 г. под напором набирающего силу антиядерного движения в России были организованы первые в СССР парламентские слушания по проблеме уральской радиационной катастрофы 1957 г. На сессии Верховного Совета впервые прозвучало официальное признание взрыва на ядерном комбинате «Маяк», далее были проведены слушания по этому вопросу на совместном заседании Комитета по экологии и Комитета по здравоохранению. В 1991 г. был подготовлен и в 1992 г. опубликован первый государственный доклад «О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1991 году». В обсуждении и согласовании государственных, в том числе международных, документов в сфере экологической политики в те годы участвовали не только признанные эксперты, представители научной общественности, но и лидеры российских экологических НПО, которые с ними непосредственно взаимодействовали.

Этот этап развития протестного экологического движения можно охарактеризовать в первую очередь как институционализацию самой экологической идеи, поддержанной в то время на уровне государственной политики, получившей массовую поддержку населения и вовлекшей в движение многих оппозиционеров разной идеологической и тематической направленности. Между тем очевидные черты институционализации экологического движения не носили устойчивого характера.

В 1992–1995 гг. начинается работа по созданию нового российского экологического законодательства. Эта работа в первую очередь шла

под напором «сверху» (А.В. Яблоков и команда экспертов-экологов работают в законодательной и исполнительной власти). Но эта деятельность имела всестороннюю поддержку и «снизу» (экологические НПО, инициативные экологические протестные группы, широкая экологическая общественность). По мнению экспертов (ученых-экологов, лидеров НПО), Закон об охране окружающей среды (декабрь 1991), Закон об экологической экспертизе (1995) были среди самых передовых природоохранных законов в мире. В эти годы вполне работающей была и практика правоприменения природоохранных законов. Это были не мертвые законы. Эксперты утверждают, что особенно эффективно в те годы работал недавно учрежденный на правовом уровне институт экологической экспертизы. Серьезная заслуга в эффективном использовании законодательных механизмов в деле охраны природы принадлежала общественным экологическим организациям, в состав которых в этот период входило много специалистов — ученых-экологов (академических и прикладных), юристов. В стране в эти годы стала налаживаться независимая от других ветвей власти судебная система. Экологи эффективно использовали судебные механизмы на пути улучшения экологической ситуации в стране. «Превратить поток экологических жалоб в поток судебных исков» — основной слоган экологического протестного движения тех лет.

В эти же годы представители экологических НПО и инициативных групп начинают продвигать свою повестку на уровне законодательной власти и активно участвуют в региональных и местных выборах. В ряде городов и областей в органах законодательной власти удавалось создавать экологические фракции, вносить в политическую повестку дня острые экологические вопросы и нередко решать их либо добиваться снижения экологических рисков [Цепилова 2002]. Неизбежны были в этом процессе и негативные тенденции, вызванные конкуренцией и борьбой за признание и власть. В борьбе за ресурсы (государственная поддержка, иностранные гранты) создавались псевдоэкологические общественные организации, появлялись экологические лидеры «одного дня». Однако эти негативные тенденции не смогли захватить поле экологического протестного движения. Движение в этот период уже имело устойчивые нравственные императивы и вытесняло инородные ему сущности.

Для общественных движений различной тематической направленности, включая экологические, в эти годы характерными чертами ста-

новятся процессы коммерциализации и профессионализации [Duka et al. 1995; Цепилова 1996]. Например, в Санкт-Петербурге в начале 1990-х на базе профессиональных сообществ возникли экологические группы «Врачи за экологию», «Юристы за экологию», «Ученые за экологию». Еще с советских времен профессиональные сообщества обладали экспертным капиталом и определенными организационными и финансовыми ресурсами. В 1990-е годы эти НПО, используя экспертное знание и материально-технический потенциал академических и профессиональных организаций, активно участвовали в решении экологических проблем страны. Отчасти организационно-профессиональный потенциал использовался и в коммерческих сферах деятельности. По большей части это имело позитивное значение для общественного экологического движения, но случалось, что «экологический» бренд служил исключительно личным интересам.

Но этот «золотой» период эффективного институализированного развития российского экологического движения быстро закончился. Успехи зеленого движения не остались незамеченными властью, тем более что к тому времени они существенно мешали бесконтрольной реализации внутренних и внешних инвестиционных проектов. Суды в большинстве своем к 1995–1997 гг. в результате коррупции, с одной стороны, и ужесточения властной вертикали — с другой, перестали быть самостоятельными.

Этот короткий, но яркий этап институционализации экологического движения характеризуется активной законотворческой деятельностью, успешной работой по достижению целей в судебных инстанциях, участием представителей экологических НПО и общественности в парламентской деятельности регионального и местного уровня (особенно эффективной «на местах»), профессионализацией и коммерциализацией экологического движения.

В **1996–2000 гг.** основным направлением деятельности экологической общественности становятся референдумы. Основная тематика референдумов — антиядерная. После чернобыльской катастрофы 1986 г. антиядерное движение приобретает широкий размах и предельно консолидирует зеленое всероссийское движение в целом. Таким образом, мы видим, что движение использует демократически популистские правовые инструменты для получения поддержки и решения экологических проблем. Референдумы помогли привлечь внимание к экологической проблематике, способствовали росту экологического сознания

в обществе и позволили в ряде случаев блокировать инвестиционные проекты, которые, по мнению экологов, могли нанести ущерб окружающей среде. Приведем несколько примеров.

Референдум по строительству Костромской АЭС 1995 г., когда 72 % населения области проголосовали против реализации этого проекта, хотя впоследствии и был признан нелегитимным (вопрос относился к компетенции федеральной власти и окончательно решался именно на этом уровне), в конечном итоге повлиял на то, что власти отказались от строительства, обнаружив массовое недовольство граждан.

В 2000 г. Социально-экологический союз, Центр экологической политики России и ряд других ведущих экологических НПО выступили с инициативой проведения Всероссийского референдума по трем вопросам: 1. Вы за запрет ввоза из других государств на территорию России радиоактивных материалов на хранение, захоронение или переработку? 2. Вы за то, чтобы в России был федеральный государственный орган по охране окружающей среды, отдельный как от органов по использованию, так и от органов по управлению природными ресурсами? 3. Вы за то, чтобы в России была юридически самостоятельная государственная лесная служба? Для проведения референдума необходимо было собрать два миллиона подписей. Собрали два с половиной. Таким образом, экологическая общественность проявила навыки организационно-политической и мобилизационной работы. Все подписи были проверены в областных избирательных комиссиях, но Центральная избирательная комиссия (ЦИК) признала недостаток 55 тысяч подписей, поскольку многие под надуманными предложениями были признаны недействительными. Через три месяца после того, как были поданы подписи, законодательство было изменено. Изменение закона гласило, что собирать подписи можно только в специально отведенных местах.

Легальными оставались только местные референдумы. И примеры успешного проведения таких референдумов даже в последующие годы были: в Сасовском районе Рязанской области (референдум по вопросу строительства цеха по производству фенолформальдегидных смол на Нижнемальцевском химзаводе 2008 г.), Красночикойском районе Забайкальского края (референдум по вопросу предоставления участка недр в пользование для геологического изучения и добычи урана на месторождении «Горное» в Красночикойском районе 2008 г.) жители сумели остановить экологически опасные проекты.

Участие экологических активистов в подготовке и проведении экологических референдумов различного уровня было ключевым для до-

стижения успеха мобилизации. В каждом случае подготовку к референдумам сопровождали прямые акции протеста (митинги, демонстрации, палаточные лагеря). Несмотря на отказ от самого механизма федеральных референдумов на законодательном уровне, следует признать, что общественное экологическое движение России сделало большой шаг вперед в процессе институционализации движения, в том числе были сохранены все выработанные за время проведения референдумов механизмы взаимодействия между НПО, наработаны каналы диалога с официальными структурами власти с гражданскими инициативами. Экологическое протестное движение стало всероссийским.

Однако именно 2000 г. становится концом относительно стабильного развития неформального экологического движения. Это переломный, драматичный год для экологического спектра гражданского общества. По мнению бесспорного лидера всероссийского экологического движения А.В. Яблокова, с 2000 г. начинается процесс неуклонно возрастающей деэкологизации общества и государства:

Всеми возможными способами обеспечиваются увеличение инвестиционной привлекательности (территорий. — О.Ц.) за счет снижения природоохранных требований. То есть обеспечение быстрой прибыли за счет попрания природоохранных законов. Идеологи деэкологизации из команды А. Чубайса, Г. Грефа, А. Кудрина, А. Коха и др. утверждали: «Займемся экологией, когда Россия станет богатой» (из интервью с А.В. Яблоковым, 2013).

В 2000 г. принимается правительственное решение о ликвидации Государственного комитета РФ по охране окружающей среды. Одновременно ликвидируется Комитет лесного хозяйства (Роскомлесхоз), ограничиваются функции Комитета землепользования (Роскомземпользования), ликвидируется экологическая милиция, выходит предписание об изъятии курса экологии из обязательной программы средней школы.

Всероссийское экологическое движение пыталось всеми силами сопротивляться антиэкологическим решениям федеральной власти. НПО выпускали петиции, собирали подписи по всей стране в защиту экологических законов и природоохранных ведомств, выходили на акции протеста (ограниченные митинги и одиночные пикеты). В ответ Генпрокуратура в 2000 г. начала тотальную проверку всех экологических НПО.

Этап референдумов — главное институциональное направление протестного экологического движения 1996–2000 гг. Успешность дей-

ствий экологических активистов в названном направлении с большой вероятностью привела к серьезным официальным ограничениям в реализации механизмов референдумов. 2000 год становится переломным в институциональных практиках экологического движения: на уровне государственной политики начинается отказ от учета экологических требований и стандартов ради быстрого экономического роста.

В 2001–2005 гг. продолжается системное разрушение нормативных основ экологической политики, которые создавались в предыдущие постперестроечные годы. В 2001 г. разрешен ввоз в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов на основе международных договоров. В 2002 г. отменено прописанное в законе право граждан требовать отмены решений о размещении, проектировании, строительстве, реконструкции, эксплуатации экологически вредных объектов, права граждан и некоммерческих организаций ставить вопрос о привлечении к ответственности виновных юридических лиц и граждан, права граждан и НКО предъявлять в суд иски о возмещении вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан экологическими правонарушениями; изъята норма об исковых требованиях о прекращении экологически вредной деятельности и автоматическом прекращении финансирования такой деятельности; изъята норма закона о возмещении ущерба здоровью граждан; обозначена как необязательная общественная экологическая экспертиза. В 2004 г. отменены федеральные программы в области экологического развития России и целевые программы в области охраны окружающей среды субъектов РФ. В 2005 г. органы исполнительной власти лишились права выдавать предписания на приостановление размещения, проектирования, строительства, реконструкции, ввода в эксплуатацию, эксплуатации, консервации и ликвидации зданий, строений, сооружений и иных объектов за нарушение требований в области охраны окружающей среды.

Таким образом, структурные правовые условия выражения экологического протеста меняются, захлопываются окна политических возможностей экологического движения, сокращается диапазон действий в рамках нормативного поля. В этих условиях наступления власти на экологические права граждан зеленое движение прибегает к стратегии активной кооперации с правозащитными организациями. Создаются эколого-правозащитные НПО как на федеральном, так и на региональных уровнях. В 2002 г. была создана Всероссийская экологическая

правозащитная ассоциация юристов-экологов России. Наиболее ярким примером сотрудничества зеленых и правозащитников тех лет была победа по «делу Фадеевой», когда по решению Европейского суда было присуждено 9 тыс. евро гражданке Фадеевой, которую не переселили из санитарно-защитной зоны Череповецкого металлургического комбината. Это был пример того, как экологи использовали рычаги правозащитного движения, для того чтобы решать экологические проблемы.

В эти годы экологическое сообщество окончательно признало безусловным лидером экологического движения России А.В. Яблокова. Яблоков настойчиво начинает продвигать идею внесения экологической проблематики в политическую повестку дня, считая это необходимым условием выживания всего экологического сообщества. Более решительно, чем в прежние годы, лидеры зеленого движения продвигают идею трансформации общественного движения в политическую партию. В 2004 г. 286 ведущих экологических НПО страны подписали Меморандум о необходимости создания независимой зеленой партии в России.

В июне 2005 г. на I Учредительном съезде была создана партия «Союз Зеленых России (Зеленая Россия)». Председателем партии был избран А.В. Яблоков. Однако строительство партии натолкнулось на существенные организационные барьеры. В течение года, предусмотренного Законом о партиях того времени как подготовительного срока к официальной регистрации, «Зелёной России» не удалось выполнить все необходимые требования закона. И самое главное, не удалось договориться с представителями официальной власти о приемлемом для всех сторон существовании легальной независимой зеленой партии, созданной на основе экологических НПО.

На этом этапе развития экологического протестного движения институциональные практики реализуются в основном через международные правозащитные институты и структуры. Одновременно значительная часть всероссийского экологического движения приходит к осознанию необходимости внесения экологической проблематики в политическую повестку.

Противостояние. Контролируемая институционализация

В 2006–2011 гг. резко сокращается количество официально зарегистрированных экологических НПО, что, на наш взгляд, связано с сокращением источников финансирования и преследованием экологических активистов. Крайне ограниченное взаимодействие официальных

структур и экологического спектра гражданского общества в подавляющем большинстве случаев реализуется через механизм конфликта. Для «оперативной необходимости» разрешения таких конфликтов несколько экологов-представителей НПО с 2005 по 2011 г. работали в Общественной палате России. В эти годы настоящие сражения между властными структурами и экологическими НПО развернулись вокруг Федерального закона «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта» (2007). Закон декларировал отмену публичных слушаний для олимпийских объектов, отмену большинства градостроительных норм и правил при строительстве олимпийских объектов, изъятие любых участков под олимпийские объекты. Назначенный премьер-министром ответственным за Олимпиаду «Сочи-2014» Дмитрий Козак был вынужден вступить в переговоры, в частности, с активистами общественной экологической организации «Экологическая вахта по Северному Кавказу». «Эковахта по Северному Кавказу» координировала протесты по всей стране, в том числе в связи с угрозой уничтожения большого количества краснокнижных растений. Экологическим активистам с участием ученых-экологов при широкой массовой поддержке населения страны и международного сообщества удалось внести серьезные природоохранные коррективы в генеральный план строительства олимпийских объектов.

Цивилизованные механизмы взаимодействия «власть — гражданское общество» в экологической сфере возникали на федерально-ведомственном уровне исключительно под воздействием давления снизу, вынуждающего официальные власти к диалогу. Подобные механизмы стали формироваться на федеральном ведомственном уровне на фоне осознания катастрофического характера вставших перед российским обществом глобальных экологических проблем и высоких репутационных ущербов (в т.ч. на международном уровне), являющихся следствием нерешенности указанных проблем в предыдущие десятилетия. В ходе реализации проекта «Достижение общественного согласия при строительстве пунктов захоронения радиоактивных отходов (РАО) в России» в 2006 г. был создан Общественный совет государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» с участием экологических НПО. Целью создания такой структуры стала потребность в посредничестве авторитетных экологов в диалоге «Росатома» с населением. Но диалог про-

двигался трудно. Несмотря на ориентацию большинства крупнейших всероссийских экологических НПО на решение проблемы в диалоге с «Росатомом», представители местных НПО и жители городов, вблизи которых планировалось размещение могильников РАО, выступали против реализации этого проекта.

Еще один пример трудного диалога экологической общественности и власти возник в ходе реализации крупного инвестиционного проекта «Космодром Восточный» (2007 — настоящее время) в Амурской области. Экологические риски проекта были связаны с использованием в разгонных блоках гептила, высокотоксичного топлива 1-го класса опасности. Общественное участие проходило в различных стадиях развития проекта и изменялось в диапазоне от острого конфликта до условного консенсуса. Использование оппонентами проекта конвенциональных форм протеста имели последствиями институционализацию ряда требований протестующих, выразившихся, в частности, в создании Общественной комиссии по контролю за строительством и деятельностью космодрома «Восточный». В 2011 г. был создан Общественный совет по вопросам экологии при губернаторе Амурской области, куда, в частности, вошли и представители названной комиссии.

Важные события в этот период происходили и на политическом зеленом фланге. В мае 2006 г. инициатива по созданию независимой зеленой партии на базе экологических НПО была закрыта на II съезде партии «Зеленая Россия», учрежденной в июне 2005 г. В рядах политизированных зеленых произошел раскол. Группа, состоявшая из подавляющего числа региональных лидеров и возглавляемая председателем «Зеленой России» А.В. Яблоковым, выступила за создание автономной структуры в рамках официально зарегистрированной политической партии с последующим преобразованием в независимую политическую партию. Эта группа политизированных зеленых взяла курс на создание фракции внутри демократической партии «ЯБЛОКО», имеющей отчетливую и реально работающую экологическую повестку (в том числе твердую позицию о неприемлемости экспорта радиоактивных отходов в РФ). В июне 2006 г. на XVI съезде партии «ЯБЛОКО» была создана фракция «Зеленая Россия». В 2007 г. фракция «Зеленая Россия» партии «ЯБЛОКО» была принята в качестве ассоциированного члена в Европейскую зеленую партию (ЕЗП). Другая группа экополитиков, основу которой составляли московские, саратовские и мурманские экосоциалисты, не согласились уйти «под крыло» партии «ЯБЛОКО» и в июне

2006 г. создали Всенародное экологическое общество «Зеленые 3000» [Цепилова 2022: 107–109]. Постепенно конфликт политизированных зеленых смягчился. А.В. Яблоков и его ближайшие соратники сумели наладить диалог между политическим и неполитическим крылом экологического движения, в том числе в ходе конкретной деятельности по снижению экологических рисков в проектах «Олимпиада “Сочи-2014”», «Захоронение РАО», «Космодром “Восточный”».

Названный период характеризуется вынужденной институционализацией экологического движения, когда власти прибегают к помощи экологической общественности только с целью иметь посредников в диалоге с населением в острых конфликтных ситуациях в ходе решения экологических проблем и реализации крупных инвестиционных проектов, а также с целью снижения репутационных рисков. В сложном институциональном развитии продолжался процесс частичной политизации экологического протестного движения.

Деинституционализация

В 2012–2023 гг. продолжается процесс деэкологизации природоохранной политики. На законодательном уровне значительно пострадали особо охраняемые природные территории (ООПТ). В 2013 г. лечебно-оздоровительные местности и курорты лишились статуса ООПТ, государственные заповедники лишились охранных зон с ограниченным режимом природопользования на прилегающих к ним территориях, было разрешено переводить заповедники в статус национальных парков. Государственная Дума VI созыва (2011–2016) приняла не менее 40 законопроектов, способствующих деградации окружающей среды. «Попытки официальной власти заявить важность экологической проблематики (например, 2017 — Год экологии) и поддержать организационно и финансово общественно-экологические инициативы, на деле обернулись лишь декларативностью заявленных целей и задач, созданием фейковых экологических структур, усилением коррупционных процессов в названной сфере общественной деятельности» [Цепилова 2019: 24].

Значительная часть известных экологических НПО в соответствии с Федеральным законом 2012 г. получили статус «иностранных агентов». Экологические активисты, защищавшие общественные интересы, оказались в группе риска. Под надуманными предлогами начались уголовные преследования. Ряд экологических активистов были вынуждены

эмигрировать из-за угроз личной безопасности. Последние «вынужденные» черты институционализации экологических инициатив предыдущего периода были практически искоренены. Решением губернатора Амурской области в 2015 г. прекратил свое существование Общественный совет по вопросам экологии при губернаторе Амурской области. Общественный совет госкорпорации «Росатом» существует в настоящее время формально, не имеет реального представительства экологической общественности и не реализует своих полномочий в диалоге «власть — общественность».

Тем не менее «реально существующие экологические НПО, ядро которых сформировалось в конце 1980-х – начале 1990-х годов, понеся существенные потери с начала нулевых до современного этапа, с учетом огромного потенциала прежних лет развития сохранились как наиболее сильный сектор гражданского общества. Однако современный период их развития в лучшем случае можно характеризовать как “выживание”, а не “развитие”. Отсутствие государственной организационно-финансовой поддержки, нередкие случаи преследования экологических активистов и организаций, тотальные административные и финансовые проверки привели к складыванию двух основных тенденций в развитии неформального экологического движения современного этапа: усилению консолидации “ядра” выживших ключевых организаций и развитию “теневых” форм организационного и финансового существования» [Цепилова 2019: 24].

В поддержании экологического спектра гражданского общества все большую роль играют сетевые медиа. Острая экологическая проблематика сама пробивает себе дорогу в общественный дискурс и на политическую сцену. Наиболее яркий пример — «мусорные бунты» последних лет. Массовый характер приобрели протестные акции, начавшиеся весной 2018 г. в Подмоскovie против «мусорной политики» региональных властей. Серьезное противостояние общественности и власти по поводу строительства мусоросжигательного завода (МСЗ) в поселке Осиново Зеленодольского района Республики Татарстан, в непосредственной близости от столицы республики, продолжалось с осени 2018 по 2020 г. Широкую известность получила ситуация в Архангельской области вблизи железнодорожной станции Шиес, где летом 2018 г. началась подготовка к строительству полигона для захоронения миллионов тонн мусора, образующегося в Москве. Всероссийское экологическое движение «Стоп-Шиес» одержало победу. Проект закрыт, договор

о строительстве расторгнут. В 2020–2023 гг. эпицентр антимусорных протестов переместился на юг России. В Краснодарском крае с повышенной туристической нагрузкой проблемы утилизации бытовых отходов десятилетиями отходили на второй план. Следует добавить, что в связи с текущей политической ситуацией наблюдается резкое увеличение рекреационной нагрузки на территорию Краснодарского края. Накопленные проблемы окружающей среды начали вызывать серьезное общественное возмущение.

В ходе мусорных бунтов возникают новые объединения — НПО, протестные группы, объединения, ассоциации. В протестных тактиках в социально-экологических конфликтах активно используются социальные медиа. Обмен опытом, сетевая поддержка, расширение границ конфликтов, самоорганизация граждан свидетельствуют о появлении новых форм институционализации экологических протестных движений.

Политическое крыло экологического движения продолжает существовать в качестве фракции «Зеленая Россия» в партии «ЯБЛОКО». Ряд активистов «Зеленой России» имеют статус депутатов местной и региональной власти.

Взаимодействие политического и неполитического крыла зеленого движения России осуществляется в режиме постоянного диалога в ходе подготовки и проведения всероссийских «Яблоковских чтений» (проводятся ежегодно с 2017 г. после ухода из жизни лидера Всероссийского экологического движения А.В. Яблокова), а также в совместных усилиях по разрешению экологических конфликтов.

Последний временной промежуток развития экологического движения можно характеризовать как этап деинституционализации экологического движения. В то же время в ходе разрешения острых экологических конфликтов возникают новые формы объединений экологического протестного движения. В ограниченных формах развивается политическое участие экологических активистов.

* * *

Возникшее в постперестроечные годы протестное экологическое движение с конца 1980-х годов до настоящего времени прошло несколько этапов развития. Они существенно различались по характеру институционального развития. В первую очередь эти различия были обусловлены постоянно меняющейся структурой политических

возможностей и ролью официальной власти в побуждении и сдерживании протестной общественной активности.

С 2000 г. в связи с изменением политических приоритетов (пренебрежение экологическими требованиями ради получения быстрой прибыли) начинается неуклонный процесс деэкологизации общества, который сопровождается частичной деинституционализацией экологического движения. Важно отметить, что в мировой практике развитие гражданского общества, контроль за бизнесом и властью являются существенными факторами экономического развития.

Между тем активное и поступательное развитие протестного экологического движения на первых этапах развития (1986–2000.), хотя и характеризуется фрагментарными, неукорененными чертами институционализации, позволило сохранить в XXI в. ядро протестного экологического движения, которое, по нашему мнению, является сегодня самым сильным сектором гражданского общества. Протестное экологическое движение находит новые формы развития, использует новые тактики, находится в поиске долговременной эффективной стратегии.

Все более значительную роль в сохранении, расширении и консолидации протестного экологического движения играют социальные медиа.

Гипотетически возможно предположить, что в поиске общественного консенсуса в сложной международной и внутренней ситуации в стране может произойти ослабление давления на общественно-политические экологические структуры внутри страны. Так уже было в конце 1980-х годов, когда именно экологам были открыты пути демократического развития. В этом случае вектор развития экологического движения изменится: политическая повестка окажется для зеленых практически закрыта, но сугубо экологическая деятельность, в том числе в решении острых экологических проблем, будет разрешена.

Литература

Давыдова С.И., Усачева, О.А. Сетевая организация экологических движений России и Европы // Социологические исследования. 2009. № 11. С. 55–64. EDN LKYGAX.

Доусон Д., Цепилова О. Мобилизация экологического движения в Ленинграде // Социология общественных движений: эмпирические наблюдения и исследования / отв. ред. В.В. Костюшев. Кн. 2. М.; СПб.: ИС РАН, 1993. С. 132–154.

Халий И.А. Этапы взаимодействия российского экологического движения с властями // Политическая наука. 2010. № 2. С. 132–157. EDN MTWOUN.

Цепилова О.Д. Общественные движения в районе экологического бедствия: история возникновения, развитие, социальные последствия (на примере г. Кириши) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5, № 1. С. 70–100. EDN OPRMCSJ.

Цепилова О.Д. От институционализации к политизации: сравнительный анализ возникновения и развития зеленых партий Западной Европы и политического крыла зеленого движения России // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 2. С. 96–121. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.4>. EDN CGCMVH.

Цепилова О.Д. Политическое и социально-экономическое развитие современной России: экологические ограничения и риски // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2019. № 2. С. 20–27. <https://doi.org/10.33491/telescope2019.203>. EDN ZCFXOH.

Цепилова О.Д. Экологические движения: предпосылки, тенденции, идеологические парадигмы, организационные структуры // Образ мыслей и образ жизни / отв. ред. Я.И. Гишинский. М.: ИС РАН, 1996. С. 62–65.

Цепилова О.Д., Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: мобилизация ресурсов «мусорных» протестов в России в 2018–2020 гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 4. С. 136–162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>. EDN UJPPDG.

Яницкий О.Н. Фазы развития российского экологического движения и его публичной активности // Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярославской-Смирновой. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2009. С. 11–27.

Duka A., Kornev N., Voronkov V., Zdravomyslova E. The Protest Cycle of Perestroika: The Case of Leningrad // International Sociology. 1995. Vol. 10, no. 1. P. 83–99. <https://doi.org/10.1177/026858095010001006>. EDN XLZXUP.

Edwards B., McCarthy J., Mataic D. The Resource Context of Social Movements // The Blackwell Companion to Social Movements / ed. by D. Snow, S. Soule, H. Kriesi, H. McCammon. Oxford: Blackwell, 2018. P. 79–97.

Gamson W. From Outsiders to Insiders: The Changing Perception of Emotional Culture and Conscientiousness among Social Movement Scholars // Mobilization An International Quarterly. 2011. Vol. 16, no. 3. P. 405–418.

Henry L. Russian environmentalists and civil society // Russian Civil Society: A Critical Assessment / ed. by A. Evans, L. Henry, L. Sundstrom. London: Routledge, 2014. P. 211–228.

Klandermans B. Promoting or preventing change through political participation: About political actors, movements, and networks // The Oxford handbook of the human essence / ed. by M. van Zomeren, J. Dovidio. New York: Oxford University Press, 2017. P. 207–218. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190247577.013.13>.

McCarthy J., Zald M. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 82, no.6. P. 1212–1241. <https://doi.org/10.1086/226464>.

Offe C. Referendum vs. Institutionalized Deliberation: What Democratic Theorists Can Learn from the 2016 Brexit Decision // *Daedalus*. 2017. Vol. 146, no. 3. P. 14–25. https://doi.org/10.1162/DAED_a_00443.

Rucht D. Studying Social Movements: Some Conceptual Challenges // *The History of Social Movements in Global Perspective* / ed. by S. Berger, H. Nehring. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 39–62. https://doi.org/10.1057/978-1-137-30427-8_2.

Tilly C. Introduction to Part II: Invention, Diffusion, and Transformation of the Social Movement Repertoire // *European Review of History: Revue européenne d'histoire*. 2005. Vol. 12, no. 2. P. 307–320. <https://doi.org/10.1080/13507480500269134>.

Zald M. The Strange Career of an Idea and its Resurrection Social Movements in Organizations // *Journal of Management Inquiry*. 2005. Vol. 14, no. 2. P. 157–166. <https://doi.org/10.1177/1056492605275243>.

Источники

Степаницкий В. Нас водила молодость // Блог Всеволода Степаницкого. 11.02.2019. URL: <https://v-stepanitskiy.livejournal.com/11291.html> (дата обращения: 15.02.2023).

STAGES OF INSTITUTIONALIZATION OF THE ENVIRONMENTAL PROTEST MOVEMENT IN POST-PERESTROIKA RUSSIA

Olga D. Tsepilova

(tsepilova@mail.ru)

Sociological Institute a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Citation: Tsepilova O. Ot institucionalizacii k politizacii: sravnitel'nyj analiz vozniknoveniya i razvitiya zelyonyh partij Zapadnoj Evropy i politicheskogo kryla zelenogo dvizheniya Rossii [Stages of institutionalization of the environmental protest movement in post-perestroika Russia], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (2): 211–233. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.9>
EDN BCGYBR

Abstract. *Within the framework of the mobilization and institutional approaches, the analysis of the development of the protest environmental movement of post-perestroika Russia is carried out. Special attention is paid to the role of the state structure in encouraging and restraining environmental protest activity. There are six stages in the development of the movement, which have differences in the use of institutional practices. The rootedness and effectiveness of using these practices to achieve the set goals are evaluated. The study revealed that in Russia the process of institutionalization of the environmental protest movement was fragmented, having no stable characteristics. Meanwhile, involvement in various institutional practices at all stages of the movement's development, without exception, from the beginning of Perestroika to the present, contributed to the formation of an ecological protest community into a single whole; strengthened the consolidation of its participants; and ultimately helped the core of the green movement to survive. Today, the protest environmental movement, trying to preserve its identity and basic values, is in search of new forms of existence, effective tactics and a long-term development strategy. At the same time, in the search for public consensus in the difficult international and internal situation in the country, changes in the structure of political opportunities are possible. The vector of development of the protest environmental movement can be changed in two directions: the political agenda will be practically closed to the greens; purely environmental activities in solving acute environmental problems, including in conventional, strictly regulated forms of protest will be allowed.*

Keywords: *Environmental protest movement, mobilization, institutionalization, structure of political opportunities, non-governmental organizations (NGOs), political agenda.*

References

Davydova S.I., Usacheva O.A. *Setevaya organizatsiya ekologicheskikh dvizheniy Rossii i Yevropy* [Networks organization of ecological movements in Russia and Europe], *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 2009, 11, pp. 55–64. EDN LKYGAX. (In Russian)

Dowson D., Tsepilova O. Mobilizatsiya ekologicheskogo dvizheniya v Leningrade [Mobilization of the environmental movement in Leningrad]. In: *Sotsiologiya obshchestvennykh dvizheniy: empiricheskiye nabludeniya i issledovaniya* [Sociology of social movements: empirical observations and research]. Ed. by V.V. Kostyushev. Book. 2. Moscow; St. Petersburg: IS RAN, 1993, pp. 132–154. (In Russian)

Duka A., Kornev N., Voronkov V., Zdravomyslova E. The Protest Cycle of Perestroika: The Case of Leningrad, *International Sociology*, 1995, 10(1), pp. 83–99. <https://doi.org/10.1177/026858095010001006>. EDN XLZXUP. (In Russian)

Edwards B., McCarthy J., Mataic D. The Resource Context of Social Movements. In: *The Blackwell Companion to Social Movements*. Ed. by D. Snow, S. Soule, H. Kriesi, H. McCammon. Oxford: Blackwell, 2018, pp. 79–97.

Gamson W. From Outsiders to Insiders: The Changing Perception of Emotional Culture and Consciousness among Social Movement Scholars. *Mobilization An International Quarterly*, 2011, 16(3), pp. 405–418.

Henry L. Russian environmentalists and civil society. In: *Russian Civil Society: A Critical Assessment*. Ed. by A. Evans, L. Henry, L. Sundstrom. London: Routledge, 2014, pp. 211–228.

Khalii I.A. Etapy vzaimodeystviya rossiyskogo ekologicheskogo dvizheniya s vlastyami [The stages of interaction of Russian environmental movement with authorities], *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2010, 2, pp. 132–157. EDN MTWOUH. (In Russian)

Klandermans B. Promoting or preventing change through political participation: About political actors, movements, and networks. In: *The Oxford handbook of the human essence*. Ed. by M. van Zomeran, J. Dovidio. New York: Oxford University Press, 2017, pp. 207–218. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190247577.013.13>.

McCarthy J., Zald M. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory. *American Journal of Sociology*, 1977, 82(6), pp. 1212–1241. <https://doi.org/10.1086/226464>.

Offe C. Referendum vs. Institutionalized Deliberation: What Democratic Theorists Can Learn from the 2016 Brexit Decision. *Daedalus*, 2017, 146(3), pp. 14–25. https://doi.org/10.1162/DAED_a_00443.

Rucht D. Studying Social Movements: Some Conceptual Challenges. In: *The History of Social Movements in Global Perspective*. Ed. by S. Berger, H. Nehring. London: Palgrave Macmillan, 2017, pp. 39–62. https://doi.org/10.1057/978-1-137-30427-8_2.

Tilly C. Introduction to Part II: Invention, Diffusion, and Transformation of the Social Movement Repertoire, *European Review of History: Revue européenne d'histoire*, 2005, 12(2), pp. 307–320. <https://doi.org/10.1080/13507480500269134>.

Tsepilova O.D. Politicheskoye i sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye sovremennoy Rossii: ekologicheskoye ogranicheniya i riski [Political and socio-economic development of modern Russia: environmental obstacles and risks], *Teleskop: Zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: journal of sociological and marketing research], 2019, 2, pp. 20–27. <https://doi.org/10.33491/telescope2019.203>. EDN ZCFXOH. (In Russian)

Tsepilova O.D. Ekologicheskoye dvizheniya: predposylki, tendentsii, ideologicheskoye paradigmy, organizatsionnyye struktury [Ecological movements: prerequisites, trends, ideological paradigms, organizational structures]. In: *Obraz mysley i obraz zhizni* [Image of thoughts and lifestyle]. Ed. by Ya.I. Gilinsky. Moscow: IS RAN, 1996, pp. 62–65. (In Russian)

Tsepilova O.D. Obshchestvennyye dvizheniya v rayone ekologicheskogo bedstviya: istoriya vozniknoveniya, razvitiye, sotsial'nyye posledstviya (na primere g. Kirishi) [Social movements in the region of environmental disaster: rise, development, and social consequences (Kirishi case)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2002, 5(1), pp. 70–100. EDN OPRMCJ. (In Russian)

Tsepilova O.D. Ot institucionalizatsii k politizatsii: sravnitel'nyy analiz vozniknoveniya i razvitiya zelyonykh partiy Zapadnoy Evropy i politicheskogo kryla zelenogo dvizheniya Rossii [From institutionalization to politicization: a comparative analysis of the emergence and development of Green parties in Western Europe and the political wing of the Green Movement in Russia]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9(2), pp. 96–121. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.4>. EDN CGCMVH. (In Russian).

Tsepilova O.D., Golbraih V.B. Ekologicheskyy aktivizm: mobilizatsiya resursov «musornykh» protestov v Rossii v 2018–2020 gg. [Environmental activism: resource mobilisation for “garbage” protests in Russia in 2018–2020]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2020, 23(4), pp. 136–162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>. EDN UJPPDG. (In Russian)

Yanitsky O.N. Fazy razvitiya rossiyskogo ekologicheskogo dvizheniya i yego publichnoy aktivnosti [Phases of development of the Russian environmental movement and its public activity]. In: *Obshchestvennoye dvizheniye v Rossii: tochki rosta, pretknoveniya kamney* [Social movements in Russia: growth points, stumbling

blocks]. Ed. by P.V. Romanova, E.R. Yarskaya-Smirnova. Moscow: Variant; TsSPGI, 2009, pp. 11–27. (In Russian)

Zald M. The Strange Career of an Idea and its Resurrection Social Movements in Organizations. *Journal of Management Inquiry*, 2005, 14(2), pp. 157–166. <https://doi.org/10.1177/1056492605275243>.